

Островский Александр Николаевич

Не в свои сани не садись

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич О.**
Не в свои сани не садись / Островский Александр Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 75 с.

ISBN 978-5-521-26733-0

ISBN 978-5-521-26733-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДѢЙСТВІЕ I.

(Общая комната въ гостиницѣ; на задней и по боковымъ стѣнамъ по двери, въ лѣвомъ углу отъ зрителя столъ).

ЯВЛЕНІЕ I.

СТЕПАНЪ (сидитъ за столомъ и ѣстъ селедку на синей сахарной бумагѣ). **ПОЛОВОЙ** (стоитъ подлѣ него съ полотенцемъ на плечь).

СТЕПАНЪ.

Что ты, братецъ, смотришь? Не завидное кушанье! Тонкое житье! Третій день вотъ селедками пробавляюсь; а что въ нихъ проку-то, только пьешь да въ животъ бурчить.

ПОЛОВОЙ.

Что вашъ баринъ-то, служащій?

СТЕПАНЪ.

Да, служили мы съ бариномъ-то безъ году недѣлю.

ПОЛОВОЙ.

Что жъ такъ мало-еъ?

СТЕПАНЪ.

Гмъ! гдѣ ему служить! Не то у него на умѣ и при томъ же гордѣ... (глотаетъ съ трудомъ). Кто я! да что я! Да другія провинности, да шалушки водились, такъ все къ одному пригнали, да и маширъ на хаусъ.

ПОЛОВОЙ.

А имѣніе-то есть у васъ?

СТЕПАНЪ.

Было большое село, да отъ жару въ кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано. То-есть, повѣришь ли ты, другъ

мой, пріѣхали мы это въ деревню, — ни кола, ни двора; а хлебъ-то на полѣ, такъ не глядѣли бѣ глаза мои: колось отъ колоса, не слышать дѣвичьяго голоса.

ПОЛОВОЙ.

А много-ль душъ-то?

СТЕПАНЪ.

У тятеньки-то было полтора ста, а у насъ только одиннадцать, да я двѣнадцатый — дворовый. Вотъ и всѣ.

ПОЛОВОЙ.

За чѣмъ же вашъ баринъ сюда пріѣхалъ?

СТЕПАНЪ.

Жениться хочетъ, изъ себя очень красивъ... Какъ женюсь, говоритъ, на богатой, всѣ дѣла поправлю. (*Голосъ за сценой: Степанъ!*)

Иду-съ (*завертываетъ селѣдку въ бумагу и кладетъ въ карманъ. Уходитъ. Половой стираетъ со стола полотенцемъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

БОРОДКИНЪ и МАЛОМАЛЬСКІЙ (*входятъ*).

БОРОДКИНЪ.

Теперича которыя я вина получилъ, Селиверстъ Потапычъ, такъ останетесь довольны, первѣйшаго сорта.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Молодцы! соберите чайку... поскорѣй... лучшаго... (*сидится за столъ*).

БОРОДКИНЪ.

Если вы теперича попробуете, такъ вы всегда будете предпочитать брать у меня. А я вамъ, Селиверстъ Потапычъ, за всегда могу этимъ дѣломъ услужить. (*Половой приноситъ чай и ставитъ на столъ. Бородинъ начинаетъ мыть чашки и разливаетъ*). Позвольте васъ поподчивать бутылочку лисабончику.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Я, братъ, ничего... я выпью.

БОРОДКИНЪ.

Мальчикъ ! Паренёкъ ! (*входитъ мальчикъ*). Сбѣгай въ лавку, скажи прикащику, чтобъ отпустилъ бутылку лисабону лучшаго. (*Мальчикъ уходитъ. Бородинъ разливаетъ чай*). А ему, Селиверстъ Потапычъ, нѣтъ, вретъ, не удастся ему замарать меня.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Теперича, если ты ведешь свои дѣла правильно, и значитъ, аккуратно... ну, и никто тебя не можетъ замарать.

БОРОДКИНЪ.

Я, истинно, Селиверстъ Потапычъ, благодарю Бога, какъ остался я послѣ родителя семнадцати лѣтъ, всякое притѣсненіе терпѣлъ отъ родныхъ, и теперича, который капиталъ отъ тятеньки остался, я даже могъ рѣшиться всего капиталу. Все это я перенесъ равнодушно, и когда я пришелъ въ возрастъ какъ должно, не токма чтобы я промоталъ, или тамъ какъ прожилъ; а сами знаете, можетъ быть, вдвое-сѣ, живу самъ по себѣ, своимъ умомъ, и никому уважать не намѣренъ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Это ты въ правилѣ... дѣйствуешь.

БОРОДКИНЪ (*стучитъ крышкой чайника*).

Кипяточку! (*половой подходитъ и беретъ чайникъ*).

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ты... имѣешь свою... правилу...

БОРОДКИНЪ.

Опять, Селиверстъ Потапычъ, за что онъ меня обижаетъ ?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Онъ не долженъ этого....

БОРОДКИНЪ.

Теперича онъ пускаетъ слухъ, яко бы, то-есть, я занимаюсь

этимъ малодушествомъ — пить. Такъ это онъ вретъ; кто меня видѣлъ пьянымъ?... Опять хоша бъ я доподлинно пилъ, всё-таки, стало-быть, на свои, что ли я на его счетъ буду пить. А всё это главная причина—одна зависть. (*Половой приноситъ воды. Бородинъ разливаетъ*). А можетъ онъ того не знаетъ, что я плевать хотѣлъ на все это.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Слушай ты! Оставь втунъ... пренебреги! Какъ ты свой кругъ имѣешь дѣла, и дѣйствуешь ты примѣрно въ этомъ кругѣ.... такъ ты и долженъ дѣйствовать, и тебѣ ничего не можетъ препятствовать никто.

БОРОДИНЪ.

Всё-таки обидно. Говорится пословица: добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ. За чѣмъ я теперь скажу про человѣка худо? Лучше я долженъ сказать про человѣка хорошо.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Это правильно говоришь.

БОРОДИНЪ.

Всякій по чужимъ словамъ судить. А почему онъ знаетъ, можетъ онъ мнѣ этимъ вредъ дѣлаетъ. Я жениться хочу, такъ кому же это нужно, когда про человѣка такая слава идетъ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Слушай! Коли ты женишься... Кто же можетъ ему повѣрить... потому, какъ онъ есть пустой человѣкъ и съ позволенія сказать, ничтожный его весь разговоръ.... Никому вреда.... окромя себѣ.

БОРОДИНЪ.

Конечно, Селиверстъ Потапычъ, всякой знаетъ, что все это наносныя слова,—да къ чему же это-съ? Что я ему сдѣлалъ? я объ немъ и думать-то забылъ, потому какъ онъ невѣжа и ругатель.

ПОЛОВОЙ (*приноситъ бутылку*).

Прикажете откупорить?

ВОРОДКИНЪ.

Откупори, да бокальчиковъ дай!

ПОЛОВОЙ.

Сей-часъ (*откупориваетъ, подаетъ на поднось два бокала и наливаетъ*).

ВОРОДКИНЪ.

Пожалуйте-съ (*берутъ бокалы и пьютъ*). Какъ на вашъ вкусъ?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ничего... живеть.... Эй ты! Прибирай чай.

ВОРОДКИНЪ.

Я вамъ это самое по полтинничку поставлю. (*Молчаніе. Пьютъ*). А я вамъ вотъ... передъ истиннымъ... то-есть, не то чтобы пьянство, или тамъ что другое, а больше того стараюсь, чтобы люди про меня хорошее говорили! Какъ живу я при ма-тушкѣ теперича пятый годъ, сами знаете, честно и благо-родно... Пожалуйте еще... выкушайте (*наливаетъ*). Никого я не трогаю, значить никому до меня дѣла нѣтъ. Конечно, я по молодости своей обязанъ уважать старшимъ, да не всякому же, другой не стоить того и вниманія, чтобы ему уважать-то. А я къ вамъ съ просьбою, Селиверстъ Потапычъ, заставьте за себя Богу молить (*встаетъ и кланяется въ полъ*).

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Какая же можетъ быть твоя просьба?

ВОРОДКИНЪ.

Это дѣло будетъ касаться Максима Ѳедотыча... Я теперича буду васъ просить замолвить за меня словечко.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

То-есть на счетъ чего же... это... касающее?...

ВОРОДКИНЪ.

На счетъ Авдотьи Максимовны-съ! Есть на то мое желаніе и маминькино-съ.

МАЛОМАЛЬСКИЙ.

Это ничего... это можно...

ВОРОДКИНЪ.

Вы не думайте, Селиверстъ Потапычъ, чтобы я польстился на деньги, или тамъ на приданое, ничего этого нѣтъ; мнѣ что приданое, — Богъ съ нимъ, потому у меня и своего довольно; а какъ собственно я очень влюбленъ въ Авдотью Максимовну. Стараюсь объ ней, примѣрно, не думать, никакъ невозможно, потому, это сверхъ моихъ чувствъ. Повѣрите ли, Селиверстъ Потапычъ, сядешь это вечеромъ дома къ окну, возьмешь гитару, собственно какъ для увеселенія себя, такая найдетъ на тебя тоска, что даже до слезъ.

МАЛОМАЛЬСКИЙ.

Это я могу... орудовать...

ВОРОДКИНЪ.

И мнѣ кажется, ничего въ жизни не надо, кромѣ какъ если бы Максимъ Ѳедотычъ отдали за меня Авдотью Максимовну, хотя бы даже безо всякаго награжденія.

МАЛОМАЛЬСКИЙ.

Это все въ нашихъ рукахъ.

ВОРОДКИНЪ.

Будьте отецъ и благодѣтель. Нынче Максимъ Ѳедотычъ зайдутъ къ вамъ, такъ ужъ вы ему поговорите, а ужъ я вамъ по гробъ жизни буду обязанъ, то-есть вотъ какъ-съ, скажите: Иванъ, сдѣлай то, — я всей душой-съ. Прикажете еще бутылочку послать?

МАЛОМАЛЬСКИЙ.

Что жъ... посылай...

ВОРОДКИНЪ (половому).

Пошли мальчика-го, чтобъ еще бутылочку принесть.

ПОЛОВОЙ.

Слушаю-съ (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и РУСАКОВЪ входитъ. ВОРОДКИНЪ быстро встаетъ и кланяется. МАЛОМАЛЬСКІЙ тоже встаетъ.

ВОРОДКИНЪ *(показывая на диванъ).*

Пожалуйте-съ, Максимъ Ѳедотычъ! наше вамъ почтенье.

РУСАКОВЪ.

Ну вотъ, свать, я къ тебѣ пришелъ, чѣмъ-то ты меня станешь подчивать.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Китайскихъ травъ... первыхъ сортовъ... велимъ подать.

РУСАКОВЪ.

Ну тебя съ травами.

ВОРОДКИНЪ.

Домашнія ваши здоровы ли, Авдотья Максимовна, Арина Ѳедотовна?

РУСАКОВЪ.

Ничего, живутъ помаленьку. Ты, Иванушко, что къ намъ рѣдко заглядываешь?...

ВОРОДКИНЪ.

Побываю, Максимъ Ѳедотычъ, какъ-нибудь-съ. Это время всегда дѣлишки были. Не прикажете ли рюмочку лисабончику?

РУСАКОВЪ.

Нѣтъ, я этого, братъ, не пью. А вотъ съ дорожки-то ты бы, свать, велѣлъ подать рюмочку ерофеичу.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Молодцы! Ерофеичу подайте... поскорѣй, домашняго... да закуски... Слышь ты, скажи женѣ, что свать молъ пришелъ. *(Половой уходитъ).*

РУСАКОВЪ.

Объ чемъ вы тугъ, дружки, толкуете?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Такое дѣло примѣрно... важное, разсудку требуетъ.

РУСАКОВЪ.

Это ты хорошо, Иванушко, дѣлаешь, что къ старшимъ за советомъ ходишь. Умъ хорошо, а два лучше... Хотя ты парень и умный, а старика послушай... старикъ тебѣ худа не посоветуетъ... такъ ли я говорю? а?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Это ты правильно...

(Половой приноситъ водку и ставитъ на столъ).

РУСАКОВЪ *(пьетъ).*

А ты, сватъ, выпьешь?

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Я, сватъ... я выпью... я нынче загулялъ *(пьетъ, дѣлаетъ серьезную физиономію)*. А у меня есть слово къ тебѣ, сватъ...

РУСАКОВЪ.

Какое же это слово?

МАЛОМАЛЬСКІЙ *(съ важною физиономіею показываетъ на Бородинна).*

Теперича этотъ молодець... гмъ!... къ примѣру... *(мигаетъ глазомъ)*. То-есть, примѣрно, приходитъ онъ ко мнѣ... И всё этакое...

РУСАКОВЪ.

Да ты полно ломаться-то... Ты и такъ-то разговаривать не мастеръ, а какъ ужъ важность-то на себя напустишь, такъ хоть вовсе брось.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Погоди... дѣло говорю. Гмъ!... Выпьемъ сперва-наперва.

РУСАКОВЪ.

Пей—я не хочу.

МАЛОМАЛЬСКІЙ *(пьетъ и морщится).*

Только вотъ приходитъ онъ ко мнѣ... видишь... такъ и такъ, говоритъ... что онъ, примѣрно сказать, влюбленъ... *(Бородинъ)*

встаетъ). Ну, и значить... онъ просить меня, чтобы я руководствовалъ его... всему этому дѣлу...

РУСАКОВЪ.

Ну!...

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ты погоди!... Какъ онъ теперь въ состояніи... то-есть... при всемъ своемъ полномъ капиталѣ... Ну, и долженъ законнымъ бракомъ... гмъ... приходитъ это, примѣрно, ко мнѣ...

РУСАКОВЪ.

Ужъ слышали.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Я, свать... я говорить не умѣю; а то-есть, у тебя, примѣрно, товаръ, а у насъ купецъ...

РУСАКОВЪ.

У тебя, свать, не разберешь, такъ ли ты городишь, зря, или ты про дѣло толкуешь.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Про дѣло, свать.

РУСАКОВЪ.

Такъ про дѣло дѣломъ и толковать надо, а не такъ. Вѣдь это не шутка, ты самъ посуди, это на вѣкъ.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Послушай, свать... ты намъ теперь-то что-нибудь, примѣрно, хоть обинякомъ...

РУСАКОВЪ.

Да что вамъ сказать-то? Ты знаешь, Дуня у меня одна... Одно утѣшеніе только и есть. Мнѣ не надо ни знатнаго, ни богатаго, а чтобы былъ добрый человѣкъ, да любилъ Дунюшку, а мнѣ бы любоваться на ихъ житье, право такъ; я значить долженъ это дѣло сдѣлать съ разумомъ, потому мнѣ придется за нее Богу отвѣчать.

ВОРОДКИНЪ.

Конечно, Максимъ Ѳседотычъ, главная причина, какъ сама Авдотья Максимовна, какъ имъ человѣкъ понравится.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Это онъ... такъ точно.

РУСАКОВЪ.

Врете вы оба—статочное ли дѣло, чтобъ повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится... Извѣстно дѣло дѣвичье — глупое!... Дѣвку долго ли обмануть!... Вѣтрогонъ какой-нибудь, прости Господи, подвернется, подластится; ну, дѣвка и полюбитъ; такъ ее и отдавать безъ толку?... Нѣтъ, это не порядокъ. Пусть мнѣ человѣкъ понравится, я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я люблю. Да, кого я люблю, за того и отдамъ. Да, я годъ буду смотрѣть на человека, со всѣхъ сторонъ его огляжу. А то какъ дѣвкѣ повѣрить? Что она видѣла? Кого она знаетъ?... А я, свать, недаромъ шестьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, видалъ таки людей-то; меня на кривой-то не обѣдешь.

МАЛОМАЛЬСКІЙ.

Ты слушай, свать, значить за кого отецъ... за того и ступай... потому онъ лучше... какъ можно... дѣвкѣ гдѣ?... Дай имъ волю-то... послѣ и не разчерпаешь, такъ ли... а?...

РУСАКОВЪ.

Да ты что?... все ты не дѣло толкуешь!... Моя дочь не такая!... моя Дунюшка вылитая жена покойница... Помнишь, свать?... Ну, что? роптать грѣхъ (*утирая слезы*). Годковъ тридцать пожилъ—и за то долженъ Бога благодарить. Да какъ пожилъ! Тридцать лѣтъ слова неласковаго другъ отъ друга не слышали. Она голубка, бывало, куда придетъ, тамъ и радость. Вотъ и Дуня такая же, пусти ее къ лютымъ звѣрямъ, и тѣ ее не тронуть. Ты на нее посмотри, уже въ глазахъ-то только любовь да кротость. Она будетъ любить всякаго мужа, надо найти ей такого, чтобъ ее-то любилъ, да могъ бы понять, что это за душа... душа у ней русская.

БОРОДКИНЪ.

Я, Максимъ Федотычъ, это очень могу понимать-сь.

РУСАКОВЪ.

Что жъ, Иванушко, я тебя обманывать не стану; ты мнѣ нра-